

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
О СЫЩИКЕ **ДРОНГО**

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

**АТРИБУТ
ВЛАСТИ**

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Атрибут власти

«PEN-клуб»

2005

Абдуллаев Ч. А.

Атрибут власти / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2005 — (Дронго)

ISBN 978-5-699-45787-8

Российский президент появляется в театре на разрекламированной в СМИ премьерке – и на него совершается покушение. Злоумышленник – полоумный одиночка, вооруженный безобидным ножиком, украденным из театрального буфета. Смех, да и только! Сразу же за этим событием пресса раздувает небывалый шум вокруг исчезновения модного журналиста Павла Абрамова. Казалось бы, совершенно не связанные между собой происшествия. Однако знаменитый эксперт Дронго придерживается иного мнения. Чутье сыщика подсказывает ему: на президента проводится донельзя завуалированная, почти незаметная атака. Но тем она и опасна...

ISBN 978-5-699-45787-8

© Абдуллаев Ч. А., 2005

© PEN-клуб, 2005

Содержание

Франция. Куршевель	5
Россия. Москва	8
Россия. Москва	10
Россия. Москва	14
Россия. Москва	17
Россия. Москва	21
Россия. Москва	26
Россия. Москва	28
Россия. Москва	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Чингиз Абдуллаев

Атрибут власти

*Вперед мы уплатили горькой доле,
Погашен долг; теперь умерим скорбь.
Нет, не лежала Англия у ног
Надменного захватчика и впредь
Лежать не будет, если ран жестоких
Сама себе не нанесет сперва.
К ней возвратились пэры.
Пусть приходят
Враги теперь со всех концов земли.
Мы сможем одолеть в любой борьбе, —
Была бы Англия верна себе.*

Уильям Шекспир «Король Иоанн»

*Бог да простит вас! Вот вам приговор.
Вы в заговор вступили против нас
С лихим врагом и золото его
Залогом нашей смерти получили;
Вы продали монарха на закланье,
Его вельмож и принцев – на неволю,
Его народ – на рабство и позор
И всю страну – на горе и разгром.
Не ищем мы оплаты за себя,
Но дорожим спасеньем королевства,
Которое вы погубить хотели, —
И вас закону предаем. Идите,
Несчастные преступники, на смерть.*

Уильям Шекспир «Генрих Пятый»

Франция. Куршевель

4 января. Вторник

Сразу после Нового года небольшой французский поселок Куршевель превращался в настоящий центр международного туризма, о котором уже начинали слагать легенды.

В шестидесятые годы на этот горнолыжный курорт иногда приезжали англичане и американцы. В семидесятые здесь отдыхали итальянцы и французы. В восьмидесятые тихий курорт стал местом уединенного семейного отдыха для пожилых европейцев, предпочитавших тихую, размеренную жизнь. Эти семейные пары жаждали не столько научиться скользить по склонам, сколько насладиться вечерними закатами и горным воздухом. На весь Куршевель в те тихие времена было два сонных инструктора, которые дежурили по очереди, терпеливо дожидаясь возможности заработать несколько сотен франков.

Все изменилось с появлением первых гостей из бывшего Советского Союза. Сначала позволить себе отдых здесь могли редкие пары с немалым достатком, а после дефолта девяносто восьмого Куршевель облюбовали уже многие быстро разбогатевшие люди России. В течение нескольких лет поток отдыхающих нарастал и довольно скоро превратил спокойный тихий поселок в один из самых престижных мировых курортов.

Появились новые отели и рестораны. Цены достигли заоблачных высот. Тренеры и инструкторы получали невероятные гонорары, предпочитая работу в Куршевеле даже международным соревнованиям. Через несколько лет поездка на этот курорт стала «обязательной программой» для большинства российских «олигархов». Они прибывали сюда на собственных самолетах, большими компаниями. Некоторые являлись с целыми «гаремами» юных красоток. Кое-кого прельщали не количество и возраст, а статус подруг – такие предпочитали актрис или певиц. Самые «продвинутые» везли с собой молодых друзей. Респектабельные «олигархи», которых было совсем не так много, отдыхали в окружении новых молодых жен и детей от первых браков.

Куршевель стал символом современной роскошной жизни. Здесь уже не удивлялись, когда приехавшие гости заказывали самые дорогие вина и оставляли в ресторанах тысячи евро за каждый ужин. Завелись даже «местные» рекорсмены, которые умудрялись тратить в течение одной недели до двухсот или трехсот тысяч евро. Для нуворишей, никогда не зарабатывавших деньги собственным трудом и считавших такие суммы смешными, своего рода развлечением стало видеть испуганные и встревоженные лица «аборигенов», не привыкших к подобному расточительству. Справедливости ради стоит добавить, что на курорте начали появляться гости и из других «братских» республик бывшей большой страны. Там процесс приватизации и присвоения народного имущества шел с некоторым опозданием, зато принимал еще более дикие формы, чем в России.

Двое мужчин стояли на склоне горы, у небольшого отеля, наблюдая за спуском многочисленных любителей, осваивающих азы горнолыжного спорта. Среди спускающихся был губернатор одной из крупных областей России, облаченный в красно-синий костюм. За ним заботливо следили сразу два инструктора, сопровождавшие своего именитого клиента.

– Катается, – сказал первый наблюдатель, мужчина невысокого роста. У него были внимательные, умные, глубоко посаженные глаза, крупные черты лица, мешковатая фигура. Он был одет в теплую куртку и темно-коричневые вельветовые джинсы. На ногах – тяжелые ботинки. Стоявший рядом с ним мужчина был выше ростом. Вытянутое лицо с тонкими губами облагораживали очки в изящной золотой оправе. Этот был одет в спортивный костюм, словно собиравшись продемонстрировать собеседнику свое горнолыжное мастерство.

– Хорошо, если не свалится, – жестко процедил второй, наблюдая за неумелыми действиями губернатора.

– Я думаю, не свалится, – улыбнулся первый, – наш знакомый всегда отличался удивительным чувством равновесия.

– Вы имеете в виду его политическую эквилибристику? – неодобрительно заметил второй. – Я ему никогда не доверял.

Первый кивнул в знак согласия и отвернулся. Затем тихо спросил:

– Что с нашим делом?

– Насколько я информирован, все в порядке. Они работают уже в Москве, и о них никто не знает. Это было самое важное условие для их работы.

– Вы доверяете этому поляку?

– Нам рекомендовали его как лучшего специалиста. Он некоторое время жил в Сиэтле, работал в Бельгии. Там у него своя небольшая контора. Самое главное, что он понимает и свою задачу, и наши цели.

– Посмотрим, посмотрим. Пока никаких результатов нет. А мы потратили уже большие деньги.

– Вы так считаете? – встревожился второй.

– Мы уже говорили об этом. Надеюсь, он сумеет выполнить наше поручение. Посмотрите, губернатор чуть не упал. Но каким-то чудом держится.

– Упадет! – снова уверенно предположил второй.

– Какие сроки вы им установили?

– Никаких. Мы говорили о конкретном результате.

– Конкретный результат будет, когда мы вернемся в Москву.

Второй промолчал. Он не хотел комментировать последнюю фразу. Первый верно понял его молчание.

– Все еще сомневаетесь?

– Не знаю. Я и раньше не считал этот вариант идеальным.

– Знаю. Но другого у нас нет. И не скоро будет, если мы не хотим остаться здесь в качестве инструкторов по политическому жонглированию для этих придурков. Между прочим, наш друг закончил трассу, но так и не упал.

– Я вижу, – отозвался второй, наблюдая за губернатором, – но все равно он долго не протянет. У меня есть информация, что его собираются убрать. Я имею в виду с его должности...

– Тем лучше. Вот и еще один союзник. Нужно, чтобы он тоже получил эту информацию. Не забывайте, что он губернатор одной из самых крупных областей.

Второй взглянул в сторону губернатора и недовольно прищурился. Снял очки, протер стекла.

– Я не вижу его в качестве союзника.

– Вам всегда мешает ваша политическая ангажированность, – заметил первый, – он будет нам полезен. А если нет – ничего страшного. При его любви к горнолыжному спорту я лично не стал бы его страховать. На опасной трассе всегда можно неудачно свалиться, когда инструкторов и тренеров не окажется рядом. Вы меня понимаете?

– Наш «клиент» тоже любит горнолыжный спорт, – вдруг напомнил второй.

– Об этом пусть думает ваш поляк. Мы платим им такие деньги, что он может нанять целый воздушный флот и разбомбить Кремль. – Первый повернул в сторону здания отеля.

Второй замер, ожидая продолжения реплики.

– Я, конечно, шучу, – сказал первый, не оборачиваясь, – но всегда важен конечный результат.

Затем через плечо глянул на своего собеседника.

– Идемте, – предложил он, – по вечерам здесь бывает очень холодно. А мне еще нужно отсюда уехать. Совсем необязательно, чтобы нас видели вместе. И поторопите вашего знакомого. Пусть предлагает конкретные сроки, о которых мы должны знать.

Россия. Москва

8 января. Суббота

В этот день в Московском Художественном театре шла «Чайка» в постановке известного режиссера Сончаловского. Об этом спектакле уже несколько недель писали все газеты, передавали репортажи по телевидению. При этом Сончаловский был немало поражен внезапно изменившейся позицией большинства критиков. Если раньше спектакль глухо ругали или не замечали, то теперь рецензии следовали одна за другой и посвящались как потрясающей игре актеров, так и глубоко продуманной режиссуре спектакля. Сончаловский, изумленный подобными отзывами, тем не менее подсознательно чувствовал какой-то неясный подвох, словно критики и журналисты пытались его обмануть. Будучи человеком глубоко прагматичным и независимым, сам он прекрасно видел все недостатки своей постановки, и поэтому излишне восторженные оценки казались ему не вполне справедливыми. Однако, как умный человек, он держал собственные мысли при себе, не пытаясь оспорить уже утвердившееся мнение о триумфе своего детища.

За несколько часов до начала спектакля в театр привезли металлическую «рамку» и установили ее на входе. Все поняли, что сегодня в театре будут важные гости. Руководитель театра – вальяжный, барственно-величавый режиссер Сигаретов – уже знал, что сегодня к ним придет сам президент страны с супругой. Сигаретову было не особенно приятно, что в спектакле, заинтересовавшем президента, занята молодая жена Сончаловского, а не его собственная молодая жена, но он нашел подходящий выход из положения. Недаром Сигаретов был не только умелым администратором и талантливым режиссером, но и прекрасным актером. Он встретил президентскую чету у входа в театр рука об руку с женой, которая вручила цветы супруге президента. Затем они вместе проводили почетных гостей в центральную ложу, откуда можно было совместно наблюдать за ходом спектакля, подавая в нужный момент необходимые реплики. Сигаретов проявил себя опытным царедворцем, иначе нельзя – ведь он возглавляет один из самых известных театров страны.

Руководитель охраны президента генерал Пахомов приехал в театр за четыре часа до начала спектакля. С помощниками он обошел здание, осмотрел все входы и выходы, определил место для каждого из своих сотрудников. Вместе с ними прибыли опытные саперы, которые проверили весь зал и прилегающие помещения. А кинологи со своими четвероногими помощниками прошлись между рядами в поисках пластиковой взрывчатки, не реагирующей на металл. Все действовали четко, согласно штатному распорядку, каждый знал свою задачу, свой участок охраны. Но Пахомов распорядился еще раз проверить зрительный зал, словно предчувствовал возможные неприятности.

Пахомов помнил, что был первым, кому президент сообщил о своем желании посетить театр. За эти дни генерал никому не говорил о предполагаемом визите президента, понимая, насколько важно, чтобы подобные сведения никуда не просочились. Мало того, Пахомов был уверен, что и президент заранее не сказал об этом даже собственной супруге. Таким образом, знать о намечаемом визите главы государства в театр не мог никто. А если и мог, то исключительно от самого президента либо от его начальника охраны. Учитывая, что президент был бывшим сотрудником госбезопасности и умел хранить секреты, Пахомов не сомневался, что никто из посторонних не мог узнать об этом заранее. Даже директор театра. Но проверки проводились всегда, поэтому Пахомов не стал ничего отменять. Тем более что у него появилось смутное предчувствие опасности. Хотя генерал привык доверять только фактам, интуиция его никогда не подводила. Поэтому, уезжая из театра, он приказал еще раз пройти по зрительному залу.

Через два часа ему позвонил один из старших офицеров и доложил, что проверка закончена и глава государства может посетить театр. Пахомов подумал, что все идет по плану, – он не сомневался, что доклад будет именно таким. Тем не менее нарастающее чувство опасности вынудило его послать в театр одного из своих заместителей – генерала Богемского – с тем, чтобы проверить обстановку в третий раз.

Все билеты были проданы. Зрители с удивлением и восторгом увидели пришедшую на спектакль президентскую чету, они встретили ее аплодисментами. Первый акт был сыгран на одном дыхании. Сигаретов профессионально отметил, что актеры играли даже лучше обычного. С одной стороны, сказывалось волнение, подстегивающее актеров, а с другой – на спектакле присутствовал и сам режиссер Сончаловский, который отмечал малейшие изменения трактовки заложенных им образов. В перерыве президент и его супруга приняли Сончаловского в кабинете директора театра. К явному неудовольствию Сигаретова, режиссер вел себя, как обычно, независимо и несколько отстраненно, словно разговаривал не с главой государства, а с обычным зрителем, случайно заглянувшим в театр. Такая манера поведения Сончаловского ужасно раздражала не только Сигаретова, но и многих чиновников от культуры, обычно не переносивших «независимых художников». Однако мудрый Сигаретов предпочитал ни во что не вмешиваться. В конце концов, каждый человек, даже известный режиссер, имеет право на ошибку. Так, кажется, говорил сам Андрон Сончаловский.

Второй акт несколько раз прерывался аплодисментами. Спектакль уверенно держал зрительский интерес. Президенту он явно нравился. Его супруга несколько раз улыбнулась. Сигаретов следил за выражением лица высокого гостя. Если понравится спектакль, то после третьего акта можно будет намекнуть на новую реставрацию театра и открытие еще одного филиала. В конце концов, Сончаловский ставил свой спектакль именно в их театре и с участием их актеров. Во втором перерыве, едва закрылся занавес, супруга президента обернулась к Сигаретову.

– Прекрасная игра! – восторженно сказала она.

Президент поднялся со своего кресла. Жена встала за ним. Сигаретов держался чуть в стороне. Охрана привычно заняла свои места, все было в порядке. Пахомов взглянул на президента, словно почувствовав, что сейчас может что-то произойти. Президент, улыбнувшись, повернулся, чтобы выйти из зрительного зала. Но неожиданно возникло какое-то движение. Кто-то стремительно направлялся к ним. Пахомов лишь заметил, что это уже немолодой человек, лет пятидесяти. Никто не успел понять, что именно происходит. Незнакомец вылетел из толпы, словно выброшенный неведомой пружиной. Все замерли. Охранник, стоящий рядом с президентом, метнулся навстречу. Пахомов шагнул к президенту, прикрывая его своим телом. Еще один охранник спешил к ним. Но незнакомец был ближе, в трех шагах от президента. Первый охранник уже протянул руку, чтобы перехватить неизвестного. Пахомов подумал, что охранник может не успеть, и сделал еще шаг. Теперь он был между президентом и этим неизвестным. А за спиной незнакомца уже находилось сразу трое сотрудников охраны...

Россия. Москва

9 января. Воскресенье

Завтракая, Гейтлер смотрел в окно. Шел крупный снег. Гейтлер улыбался, глядя на этот снег. Такие морозы и такой крупный снег напоминали ему детство. Тогда все было проще и понятнее. Они были немцами, и настороженность в общении с ними проскальзывала в словах каждого случайного знакомого, каждого соседа. Существовала линия фронта, и каждый, кто находился за этой линией разделения, считался врагом. А каждый, кто был вместе с народом по эту сторону фронта, считался «своим». Мальчишки не понимали подобных разделений, и детям немецких антифашистов часто доставалось от соседских ребят, которые видели в каждом из них врага. К сорок пятому стало немного легче. Собственно, он помнил только последний год, сорок шестой, когда ему было чуть больше четырех. После победы отношение к немецким антифашистам и к их детям кардинально изменилось. Теперь уже многие понимали разницу между немецкими фашистами и немецкими коммунистами, боровшимися против режима Гитлера.

Детские воспоминания всегда бывают окрашены ноткой ностальгии и светлого чувства защищенности, когда родители рядом и все кажется таким понятным и радостным. Гейтлер смотрел в окно. Крупный снег напоминал ему картинки детства. Он закончил завтракать, аккуратно сложил посуду – сказывалась немецкая педантичность. И в этот момент на кухню ворвался Дзевоньский. Обычно невозмутимый и ироничный, поляк выглядел не просто взбешенным. Он был в ярости.

– Вы с ума сошли! – крикнул Дзевоньский. – Как вы могли все так провалить? Кто вам дал право так поступать?

Гейтлер поставил чашку и спокойно посмотрел на орущего Дзевоньского.

– Не нужно так громко кричать, пан Юндзилл, – посоветовал он. – Нас могут услышать. Скоро должна приехать наша кухарка. Совсем необязательно кричать так, чтобы она нас услышала.

– Что вы наделали? – яростно зашипел Дзевоньский. – Мы готовили операцию несколько месяцев, потратили миллионы долларов. А вы все так бездарно провалили. Вы слышали, что случилось вчера в театре?

– Конечно. Об этом передавали сегодня в новостях. Уже сообщили по Си-эн-эн и по Би-би-си. Вчера было неудачное покушение на Президента России, когда он с супругой находился в театре. Однако некоторые считают, что нападавший был просто неуравновешенным типом, место которому в психиатрической больнице.

– Это был ваш человек? Ваш «запасной вариант»? – снова крикнул Дзевоньский.

Прагматичного поляка возмущал не столько провал операции, сколько потраченные деньги, часть из которых он благо разумно присвоил. Нужно будет отвечать за срыв операции и неудачу, это он хорошо понимал. Понимал он и другое. Его заказчики – достаточно серьезные люди, не жалеющие денег на проведение нужной им операции. И в случае ее провала сбежать ему не удастся. Эти люди сумеют найти «охотников», которые быстро вычислят, куда и как скрылся генерал Дзевоньский.

– Сядьте и успокойтесь, – посоветовал ему Гейтлер, – нельзя так волноваться по пустякам.

Дзевоньский сел на стул, усилием воли заставляя себя немного успокоиться. Затем сказал, стараясь, чтобы голос не дрожал:

– Вы могли бы меня заранее предупредить.

– О чем? – участливо спросил Гейтлер. – Предупредить вас о возможном появлении неуравновешенного типа, к которому я не имею абсолютно никакого отношения? Такие идиоты могут появиться когда угодно и где угодно. Кстати, у таких идиотов всегда больше шансов, чем у любой организованной группы. Сказывается отсутствие связных и большого круга посвященных в операцию людей, среди которых, по статистике, обязательно бывают агенты или осведомители спецслужб. А одиночка вполне способен успешно повернуть собственную операцию. Вспомните, как стреляли в бывшего Президента СССР Горбачева. Его спасло только чудо. Там тоже был психически больной человек, который умудрился пронести оружие и сделать два выстрела. Или убийство Кеннеди. Люди до сих пор верят в теорию заговора. Но никто не смог бы найти лучшего исполнителя, чем затравленный и неуравновешенный Ли Харви Освальд, к тому же приехавший из России. Если Освальда подставили, то это самая гениальная операция в истории спецслужб. Если нет, то моя теория верна. Одиночка сделал то, о чем мечтали многие организованные группы.

– Так этого идиота послали вы? – прошипел Дзевоньский.

– Вы упрямо ничего не хотите понять, пан Юндзилл, – усмехнулся Гейтлер. – Дело в том, что мне было очень важно проверить нашу способность манипулировать сознанием людей, опираясь на средства массовой информации. Нужно учитывать ментальность бывших советских людей. Здесь не очень доверяют официальным сообщениям: часто распространение информации идет на уровне слухов, сплетен, домыслов. И поэтому когда в разных изданиях появляются сообщения об одном спектакле, это вызывает общий интерес, который подогревается нашими сообщениями. Мне было важно провести «разведку боем», если хотите. Посмотреть, как отреагирует охрана президента на нашу информационную подставку. Они не заподозрили ничего необычного. Трудно найти в сообщениях о новой постановке популярного спектакля что-то опасное для президента. Сейчас другое время, пан Юндзилл, и войны выигрываются с помощью информационных технологий.

– Не читайте мне лекций! – разозлился Дзевоньский. – Вы или не вы послали Иголкина в театр?

– До вчерашнего дня я даже не слышал такой фамилии, – улыбнулся Гейтлер, – и, конечно, никого не посылал. Вы знаете, я думаю, что пан Ярузельский, ваш бывший президент, нанес непоправимый урон вашим спецслужбам, особенно польской контрразведке, в которой вы служили.

Дзевоньский нахмурился.

– Когда у вас появилась «Солидарность», вы начали работать среди рабочих этого объединения, – продолжал Гейтлер. – Это, конечно, не дипломаты и не зарубежная разведка. Все ваше внимание было переключено в первую очередь на «Солидарность». Но остановить этот профсоюз силами спецслужб вы не смогли. Ярузельский ввел военное положение, чтобы спасти свою страну от возможного советского вмешательства. Он, конечно, спас Польшу, но дисквалифицировал свою контрразведку. Если до этого вы еще должны были продумывать и планировать свои операции, то после введения военного положения у вас исчезла всякая мотивация. Достаточно было малейшего подозрения, чтобы арестовать не понравившегося вам человека. Любой намек на нелояльность, любой донос на диссидента мог привести к его аресту и временной изоляции. Не нужны были никакие дополнительные доказательства, все списывалось на военное положение. И это привело к вашей вынужденной дисквалификации, пан Юндзилл. Когда извилины не работают, наступает атрофия мозга. Я не хочу вас обидеть, но деятельность польской контрразведки в восьмидесятые годы – одни сплошные провалы.

– Зачем вы мне все это говорите? – зло огрызнулся Дзевоньский. – Можно подумать, что «Штази» сумела спасти свою страну. Моя Польша все еще на своем месте, а где ваша бывшая страна, герр Шайнер? Или ваши спецслужбы работали лучше?

– Гораздо лучше. А насчет страны вы правы. Только нас сдал Горбачев и Москва, а мы в этой капитуляции были виноваты меньше всего. Это некорректное сравнение. Никто не мог даже предположить, что нас подведут наши основные союзники, которые в конечном счете сдали самих себя. Теперь насчет Иголкина. Судя по тем отрывочным сообщениям, которые мы имеем на данный момент, это абсолютно неуравновешенный тип, страдающий психическим заболеванием. Он бросился на президента, украв нож в буфете театра. С таким оружием покушений не совершают. Этого типа признают психопатом и отправят в больницу уже сегодня.

– Вы его не послали? – понял наконец Дзевоньский.

– Я похож на идиота? – улыбнулся Гейтлер. – Этот Иголкин появился случайно. Но такая случайность только работает на нас. Его будут проверять, проверять все его связи, всех его знакомых, всех родственников. Они ничего не найдут и быстро выяснят, что он типичный психопат-одиночка. Который очень точно ложится в мою схему. Теперь вы меня поняли?

Дзевоньский молчал. Очевидно, он оценивал варианты. Его обидели слова Гейтлера о «дисквалификации», но он еще не научился анализировать. Поэтому сидел и обдумывал ситуацию.

– Вы действительно не имеете никакого отношения к Иголкину? – недоверчиво переспросил он снова.

Гейтлер развел руками:

– Мне даже обидно, что вы спрашиваете. Случайно оказавшийся в театре неуравновешенный «патриот» Иголкин решает напасть на президента страны, похитив обычный столовый нож из буфета. И с этим оружием пытается совершить нападение. И вы серьезно считаете, что я мог спланировать подобную акцию. Ах, пан Юндзилл, иногда я начинаю жалеть, что связался с вами.

– Что дальше? – осведомился Дзевоньский. – Или этот случай вписывается в вашу схему?

– Не совсем. Этот Иголкин появился не вовремя и совсем не к месту. Но он абсолютно подтвердил мою версию о манипулировании общественным сознанием. Вы знаете, я еще в прошлый приезд обратил внимание на одну особенность местного населения. Если книгу хвалят по телевидению и в газетах, ее никто не станет читать. А если люди передают друг другу восторженные отклики, то книгу обязательно начнут покупать, и она станет бестселлером. Сказываются десятилетия общего неверия в официальную пропаганду. И общего недоверия к любым официозным критикам. Поэтому сегодня мы приступим ко второму этапу нашей операции.

– А когда будет последний?

– Он и есть последний. А насчет «запасного варианта» вам не стоит волноваться. О нем не знает никто, кроме меня. Читайте, что я такой же неуравновешенный псих-одиночка, как Освальд. Или Иголкин. Только когда я уверен, что об операции известно лишь мне, я могу рассчитывать на успех. Надеюсь, вы слышаны о достижениях современной медицины? Вам могут вколоть какую-нибудь гадость, и она заставит вас рассказывать обо всем, что вы знаете, с таким радостным энтузиазмом, что ваши следователи не будут поспевать за вами записывать.

– С вами можно сойти с ума, – проворчал Дзевоньский. – Я уже просто не знаю, что и говорить.

– Будет гораздо лучше, если вы будете давать деньги и не задавать лишних вопросов. А еще выполнять все мои указания. Вы можете вызвать из Польши вашего знакомого Курыловича?

– Он только и ждет, чтобы я его позвал.

– В таком случае позвоните ему и сообщите, что он понадобится нам в конце января. И учтите, на этот раз ему придется приезжать в Москву два или три раза.

– Он будет только счастлив. Я оплачиваю все его расходы.

– Прекрасно. В таком случае позвоните ему прямо сегодня, пусть заранее закажет билеты и будет готов прилететь в Москву двадцать восьмого или двадцать девятого. – Гейтлер поднялся. – Я уезжаю в город. Приеду только вечером.

Дзевоньский шумно вздохнул и отвернулся к окну.

– Если мы провалим эту операцию, нас обоих ликвидируют. Они достанут нас из-под земли. С их деньгами и возможностями, каких нет ни у одной спецслужбы мира. И нам не поможет ни моя «дисквалификация», ни ваша «квалификация». Ничего не поможет.

– Вы все-таки обиделись, – констатировал Гейтлер.

– Нет, я обрадовался. Слава богу, что этот Иголкин не имеет к нам никакого отношения. Признаюсь, я очень переживал из-за этого нападения.

Россия. Москва

9 января. Воскресенье

В метро оказалось свободнее обычного. По выходным народу здесь было гораздо меньше, чем в будни. Гейтлер сидел в углу вагона, с любопытством наблюдая за пассажирами. Ему было интересно слушать, о чем они говорят, спорят, узнавать, что их волнует. Публика за последние годы сильно изменилась, это было заметно. С одной стороны, появилось много молодежи, а с другой – еще больше плохо одетых людей, попрошаек, бродяг. Молодые вели себя абсолютно раскованно, громко смеялись, свободно общались. Попадались невероятно красивые молодые женщины, которыми Гейтлер откровенно любовался.

Он доехал до нужной станции и вышел на улицу. Место встречи было назначено в небольшом ресторанчике «Елки-Палки», в двух кварталах от метро. Проверив, нет ли за ним наблюдения, Гейтлер вошел в ресторан, где его уже ждала Рита. Она сидела в углу с отсутствующим видом. Гейтлер быстро прошел через зал, уселся рядом с ней.

– Здравствуй, – он легко дотронулся до ее руки, – как у тебя дела?

– Спасибо, – улыбнулась Рита, – все в порядке. Живу на две квартиры. А встречаюсь с тобой в каких-то непонятных отелях, маленьких ресторанах, на станциях метро. Ты считаешь, это нормально?

– Я тебе все объяснил, – устало заметил Гейтлер, – не будем больше об этом говорить.

– Хотя бы сегодня побудешь со мной?

– Нет.

– Ты не боишься, что я начну тебе изменять?

– Не начнешь, – улыбнулся Гейтлер.

– Когда мы с тобой увидимся?

– Через две недели. Я приеду к тебе домой и останусь на ночь.

– В какую квартиру?

– На северо-западе. Про другую я даже не хочу вспоминать. Там меня никогда не будет.

И никого из посторонних не будет. Ты делаешь все, как я сказал?

– Конечно. Я помню твои инструкции.

– Теперь расскажи мне, что было в театре?

– Может, ты сначала поешь? Возьми что-нибудь, на нас обращают внимание.

Гейтлер согласно кивнул. В зале ресторана сидело всего несколько человек. В эти дневные часы посетителей было меньше обычного. Гейтлер почувствовал, что проголодался. Через несколько минут он уже с аппетитом поглощал рассольник, запивая его холодным пивом.

– Ты была в театре? – снова уточнил он.

– Конечно. Я ходила на все спектакли, как ты и велел, – ответила Рита. – И сидела на местах, открывавших хороший обзор. Когда закончился второй акт, все привычно заплотировали. Президент поднялся и повернулся к своей жене, чтобы выйти вместе с ней.

И в этот момент к ним бросился какой-то тип. Среднего роста, в узком пиджаке, мятых брюках. Редкие волосы на покато черепе, узкие глаза, выступающий подбородок. Он что-то кричал, но я не расслышала что. В руках он держал нож, но было сразу заметно, что это не боевое оружие.

– В первом отделении этот тип себя никак не проявлял?

– Никак. Во всяком случае, я его не видела.

– Что было потом?

– Видимо, в первом антракте он стащил нож в буфете. А после второго акта побежал с этим ножом к президенту. Но не успел сделать и нескольких шагов. Как только он закричал

и побежал, к нему сразу бросились люди из охраны. Его сбили с ног, уложили на пол, отняли нож. Он что-то кричал, плакал, пытался вырваться – не оставалось сомнений, что он не в себе. Этого типа мгновенно нейтрализовали. Должна заметить, что сотрудники охраны работали исключительно профессионально. Быстро и надежно. Никакой паники, никакой растерянности. Мгновенная реакция.

– Дальше, – потребовал Гейтлер.

– Его увели. Начало третьего акта задержали на полчаса. Но никто из зала не уходил. Президент тоже не ушел. Он мужественный человек. Остался вместе с женой и досмотрел спектакль. Хотя было заметно, как нервничала его охрана.

– Это очень важно, – тихо произнес Гейтлер. – Значит, он не покинул здание театра?

– Нет, не покинул. Но я видела, как охрана пыталась его изолировать и увести. Он прошел в кабинет директора и через полчаса вернулся. Я думала, что в таких случаях охраняемое лицо эвакуируют сразу, без промедления.

– Ему важно общественное мнение, – возразил Гейтлер, – и я думаю, что охрана верно все просчитала. Этот сумасшедший тип больше не представлял для президента никакой опасности. Поэтому им разрешили досмотреть спектакль. Но ты права: все равно это нарушение установленного порядка охраны.

– Они вызвали подкрепление, – сообщила Рита, – в театре появились новые лица. Их стало в три раза больше, чем раньше. Я думаю, президент сам не захотел уйти. Когда он снова появился в своей ложе, его встретили аплодисментами.

– Очень интересно, – задумчиво проговорил Гейтлер, – значит, он остался и досмотрел спектакль до конца. И ты все время была в зале?

– Да. Когда спектакль закончился, все опять бурно зааплодировали. И актерам, и ему.

Ему – за то, что остался. Актерам – за то, что смогли доиграть, и играли очень неплохо. В общем, аплодировали минут пять или шесть. Потом всех задержали, а президент с женой ушел. Охрана никого не выпускала из зала еще минут десять. Потом разрешили выходить, но все равно за всеми следили.

– То есть сотрудники охраны не уехали, – уточнил Гейтлер, – остались в театре?

– Часть охранников осталась. Они следили за всеми выходящими из зала. Я боюсь даже предположить, но, кажется, нас всех снимали видеокамерой. Двое сотрудников стояли на выходе и проверяли у выходящих документы. Фамилии и номера паспортов переписывали. И, повторяю, по-моему, нас всех засняли на пленку.

– Черт возьми! – вырвалось у Гейтлера. – Они работают гораздо более профессионально, чем я мог предположить. Про камеру я даже не подумал. Тебе больше нельзя появляться в театре. Ты меня поняла?

– Мне уже надоел этот спектакль. Я видела его восемь раз. Ходила на каждое представление. Трижды покупала билеты с рук, переплачивая в несколько раз.

– Спасибо. Ты мне очень помогла. А ты обратила внимание, как они выстроили систему охраны, откуда появились эти офицеры?

– Конечно. Я даже набросала для себя схему.

– Напрасно. Нужно запоминать, а не записывать. Помнишь, как я тебя учил?

– Конечно, помню. Но я так сделала, что, кроме меня, никто не сможет прочесть эти записи.

– Если понадобится, прочтут, – недовольно заметил Гейтлер, – постарайся все запоминать. Мы увидимся с тобой через неделю.

– Ты говорил – через две.

– Я передумал. Так будет лучше. Ровно через неделю.

– Опять в каком-нибудь ресторане?

– Я приеду к тебе на квартиру, как и сказал. Часам к трем или четырем. Ты заранее закупи продукты и напитки, чтобы не выходить в воскресенье из дома. Но не сразу, а ежедневно небольшими порциями. Чтобы не было заметно, что ты ждешь гостей.

– Ясно, – кивнула Рита.

– И еще. Паспорт, который я тебе дал и который у тебя проверили, можешь спрятать. Больше им не пользуйся. Я дам тебе другой. Постараюсь его найти за две недели, если получится. Квартиры ты снимала на русский паспорт или на немецкий?

– На немецкий. Иностранцам сдают охотнее, но просят больше денег. С меня за каморку в центре города взяли тысячу долларов в месяц. Это много.

– Так нужно, – возразил Гейтлер. Он еще раз дотронулся до ее руки. – Я тоже скучаю без тебя. Если все будет нормально, уедем куда-нибудь далеко. Например, на острова в Тихом океане. И останемся там навсегда. Вдвоем.

– Обещаешь?

– Я тебя когда-нибудь обманывал?

– Нет. Ты просто исчезал, и надолго. На всю прошлую жизнь. Не исчезай и на этот раз.

– Не исчезну, – он сжал ее руку, – ты нужна мне гораздо больше, чем я тебе.

Россия. Москва

11 января. Вторник

Вернувшись в Москву, Дронго заперся в своей квартире, наслаждаясь тишиной и одиночеством. Об инциденте, случившемся в театре, он уже знал. Об этом сообщили все ведущие мировые телеканалы, написали все известные газеты, и не только в России. Аналитики дружно сходились на том, что появление подобных неуравновешенных людей возможно в любом обществе и при любой ситуации. Дронго внимательно читал эти сообщения, обращая внимание на самые незначительные детали. Но ничего подозрительного в них не нашел, такой тип действительно мог появиться где угодно. От подобного нападения не может быть застрахован ни один президент, ни один политик.

В этот вечер он читал последнюю книгу Брауна, когда раздался телефонный звонок. Дронго удивленно посмотрел на аппарат, но автоответчик, включившись, уже сообщал кому-то, что хозяина нет дома.

– Я знаю, что ты дома, – прозвучал знакомый голос Машкова, – если разрешишь, я к тебе заеду.

– Добрый вечер, – поднял трубку Дронго, – что у вас опять произошло?

– Долго рассказывать. Я лучше к тебе приеду. Примешь?

– В последний раз мы виделись почти месяц назад. Можешь приезжать. Только учти, что пить я с тобой больше не буду. Мне все равно за тобой не угнаться, а все время проигрывать я не люблю.

– Посмотрим. – У его собеседника явно не было желания шутить. – Буду у тебя через час.

Виктор Машков приехал, как и обещал, ровно через час. Он вошел в квартиру и снял пальто, даже не пытаясь придать своему лицу хотя бы подобие приветливого выражения.

Дронго понимающе усмехнулся, но ничего не спросил и проводил гостя в гостиную.

– Давай на кухню, – вдруг предложил Машков. – Там как-то уютнее.

Генерал Виктор Машков и эксперт Дронго были знакомы уже много лет. Но сегодня гость был явно не в настроении.

– Что ж, пойдем на кухню, – согласился хозяин квартиры.

Кухня примыкала к столовой, где можно было усесться за удобным столиком и поговорить по душам. Машков сел лицом к окну. Дронго уселся напротив.

– Может, предложишь хотя бы кофе? – попросил гость.

– У меня нет кофе, – ответил Дронго, – я его не люблю. А держать специально для гостей глупо. Выглядит как-то слишком подбодренно. К тому же сюда почти не ходят гости. У меня есть чай. Хороший чай – зеленый, с жасмином, черный... Есть даже черный с китайской красной розой.

– Лучше зеленый, – выбрал генерал. Дронго включил электрический чайник и вернулся на свое место.

– У тебя сегодня плохое настроение, – заметил он.

– Не очень хорошее, – согласился Машков.

– Ты генерал. У тебя в любое время должно быть хорошее настроение. Ты знаешь, я всегда представлял себе в детстве генералов пузатыми и лысыми. А ты у нас подтянутый красавец с хорошо уложенной шевелюрой.

– Завидуешь? – улыбнулся Машков, взглянув на своего лысоватого собеседника.

– Конечно. Давно мечтаю сделать пересадку волос. Как Берлускони. Но почему-то не решаюсь. Боюсь выглядеть глупо.

– Тебе идет лысина. Становишься похожим на ученого, интеллектуала. Я, между прочим, всегда представлял себе умных людей лысыми и в очках. Такой распространенный образ.

– Очки я пока не ношу, а Эйнштейн, между прочим, был с волосами.

– Растрепанный, – поправил его Машков, – может, он специально не причесывался, чтобы не были видны его залысины?

– Убедил. – Чайник выключился. Дронго поднялся, снова прошел к кухонной стойке и через минуту, вернувшись с двумя чашечками зеленого чая, спросил: – Варенье хочешь?

– Не нужно. У тебя всегда хорошие конфеты. Говорят, что шоколад даже полезен.

Дронго достал две небольшие коробки с шоколадными конфетами и положил на столик. Затем опять сел напротив Машкова.

– А теперь начни рассказывать, зачем ты сюда приехал, – предложил он. – Судя по твоему виду, у тебя не очень приятные новости.

– Совсем неприятные, – буркнул Машков. Затем, сделав несколько глотков чая, спросил: – Ты слышал о ЧП, случившемся в театре?

– Конечно. Об этом написали все газеты. Но, кажется, это был какой-то псих. Я, во всяком случае, понял именно так. Или я ошибся?

– Нет. Он действительно не совсем нормальный человек и, судя по всему, одиночка. Случайно оказался в театре, а когда увидел президента, решил, что нужно действовать. У него с собой не было даже оружия. В буфете стащил обычный нож из столового набора. Небольшой и не слишком острый. С таким ножом он не справился бы с нашим президентом, даже если бы рядом не оказалось ни одного охранника. Этому кретину пятьдесят лет, он страдает одышкой, у него незалеченная язва, холецистит. В общем, полный набор всех болезней. Если бы он даже прорвался к президенту, то вряд ли успел бы замахнуться. Президент справился бы с ним без всякой помощи, учитывая, что он владеет дзюдо и самбо. Этот нож был глупой и пустой угрозой. Президент мог запросто сломать ему руку.

– Охрана не успела вмешаться? – уточнил Дронго.

– Конечно, успела. Все было кончено за несколько секунд. Идти с таким ножом против президентской охраны – такая глупость!

– Он был с кем-то связан?

– Конечно, нет. Но сейчас его проверяют. Самое интересное, что никто, кроме начальника охраны генерала Пахомова, не мог знать о предстоящем визите президента в театр. Об этом сам президент сказал Пахомову всего несколько дней назад. А для таких акций нужна подготовка. Иголкин действовал самостоятельно, в одиночку. Тоже мне «патриот» чертов!

– Ты специально приехал, чтобы рассказать мне об этом?

– Нет.

– Тогда честно скажи, почему ты появился у меня с таким выражением лица.

Машков замолчал и помрачнел.

– У нас к тебе дело, – не очень уверенно начал он.

– Опять «у вас»! – насмешливо заметил Дронго. – После того как меня в последний раз выгнали из твоего учреждения, я думал, что «у вас» ко мне больше не будет никаких дел.

– Это совсем не то, о чем ты думаешь, – еще больше нахмурился Машков, – дело в том, что наши оперативные сообщения совпадают с выводами, которые ты сделал. Генерал Гельмут Гейтлер – один из самых талантливых специалистов по организации террористических актов. Своего рода «мастер». И похоже, на этот раз кто-то решил использовать его опыт.

– Значит, мы не зря ездили в Берлин, – отозвался Дронго. – И ты появился у меня только для того, чтобы сообщить эту новость? Или чтобы рассказать, какой талантливый этот немецкий генерал?

– Нет. После случившегося в театре решено бросить все силы на поиски Гейтлера. По распоряжению руководства проверяются все возможные варианты, отрабатываются все версии.

– Прекрасное вступление. А теперь сообщи наконец, зачем ты явился ко мне?

– Они считают, что ты слишком многое узнал. – Машков не отвел глаза. Он говорил честно и прямо. – Ты ездил в Берлин, ты один из лучших аналитиков, ты знаешь о работе нашей совместной группы.

Дронго молча смотрел на своего гостя и друга. Но тот снова не договорил.

– Да, я многое знаю, – досказал за него Дронго, – в том числе и о том, о чем не должен знать. Верно?

Машков молчал.

– Генералы должны уметь брать на себя ответственность, – напомнил Дронго, – и поэтому я жду твоей последней фразы.

– Принято решение о твоей «нейтрализации», – сухо ответил Машков.

– Это означает «ликвидацию»?

– Нет. Но тебя посадят под домашний арест. И начнут прослушивать все твои телефоны. Отключат Интернет. Одним словом, создадут комфортную обстановку. Будешь, как на отдыхе.

– И долго я буду так «отдыхать»?

– Пока не возьмут Гейтлера. Наши специалисты считают его возможное появление в Москве исключительно опасным. Он способен придумать все, что угодно. Абсолютно все. В одном из сообщений из Берлина его назвали «гением» подобных разработок. А с «гениями» всегда трудно. Поэтому, пока его не возьмут, тебе нужно немного отдохнуть.

– Приятная перспектива! А если его вообще нет в Москве? Если он разрабатывает свои операции, сидя где-нибудь в Канаде или в Португалии? Мне нужно ждать, пока вы его не найдете?

– Да. Похоже, другого варианта у нас нет.

– А если я не согласен?

– Тогда тебя посадят в тюрьму. Мне с трудом удалось их убедить, что лучше тебя оставить дома. Ты всегда мечтал посидеть дома, читая книги. Вот сейчас у тебя и появится такая возможность.

– Издеваешься?

– Нет. Делаю все, чтобы ты остался в живых, – честно признался Машков. – Согласись, для них гораздо удобнее и дешевле, если ты случайно попадешь под машину или выпадешь из окна.

– Спасибо за откровенность.

– Генерал Богемский настаивал, что тебя нужно «изолировать». Он считает, что нельзя доверять иностранцу такие секреты. Извини.

Дронго поднялся, забрал обе пустые чашки и отнес их к кухонной стойке, чувствуя на своем затылке взгляд Машкова. Еще раз наполнив обе чашки зеленым чаем, вернулся к столу и поставил чашку гостя перед ним.

– Спасибо, – поблагодарил его Машков.

– У меня есть варианты? – поинтересовался Дронго.

– Похоже, что нет.

– Мне не разрешат даже уехать?

– Нет.

– Вы думаете, что таким образом обеспечите должную безопасность вашего президента?

– Пока не найдут Гейтлера, мы все будем на особом положении.

– Ясно. Я могу принимать гостей?

– Меня можешь. У тебя есть какие-то конкретные пожелания насчет женщин?

– Нет. Джил я не позову, а остальным здесь появляться необязательно. Но у меня бывает домработница, которая должна убирать в квартире.

– Ее будут пускать.

– А Вейдеманис? Или Кружков? Ты знаешь, что они бывают у меня довольно часто.
– Ты попросишь их пока не приходить. Твой водитель тоже может получить отпуск.
– Похоже, вы все продумали.
– Почти все. Поэтому я к тебе и приехал. Не пытайся делать глупости. Тебя просто не поймут. И никуда не уезжай. Гулять можешь во дворе, перед домом.

– Меня будут прослушивать?
– Не знаю. Думаю, да. Телефоны обязательно, а насчет квартиры не уверен. Хотя у тебя есть новые скремблеры, и ты можешь их использовать. Но на твоём месте я не стал бы этого делать.

– А продукты, вода? Или вы берете меня на государственное обеспечение? Если я не смогу выходить из дома, то кто будет доставлять мне продукты? И на какие деньги? А еще учтите, что я частный эксперт и зарабатываю на жизнь консультациями. Ваше ведомство готово возместить мне мои издержки?

– Будет лучше, если ты попадешь в больницу? – разозлился Машков. – Я с трудом уговорил их не арестовывать тебя. Что касается продуктов – к тебе будет приезжать наш водитель, которому ты можешь сообщать, что именно нужно купить.

– И деньги ему буду платить тоже я?
– Разумеется. У нас нет такой статьи расходов.
– Прямо как в Америке. Частная кооперативная тюрьма, за которую еще и платит сам заключенный. Ты не думаешь, что это абсолютный идиотизм?

Машков поднялся.

– С тобой невозможно разговаривать. Я хочу тебя спасти, а ты валяешь дурака. Пойми, когда речь идет о безопасности главы государства, такие «мелочи», как твой комфорт, никого не волнуют. И твои затраты также никого не беспокоят.

Дронго тоже поднялся.

– Ладно, – буркнул он, – поговорили. Наручники будешь надевать или дома я могу ходить без них? Может, достанете мне тюремную одежду, такую полосатую робу, чтобы я чувствовал себя более «комфортно»? Можно придумать какой-нибудь знак для заключенного. У евреев в фашистских концлагерях были шестиконечные звезды. Может, вам пора вводить такой особый знак для кавказцев? Например, рисунок горы. Или нечто в этом роде. А может, такие «мелочи» тебя тоже не волнуют?

Машков повернулся и пошел к выходу. Надевая пальто, он сильно побагровел, но ничего не сказал. Дронго молча следил за ним. Машков открыл дверь и, не проронив ни звука, вышел, с силой захлопнув ее за собой. Дронго повернулся и пошел в гостиную. Через несколько минут раздался телефонный звонок. Это снова был генерал.

– Я зайду сегодня еще раз к руководству, – коротко пообещал Машков. – Постараюсь снова убедить их, чтобы тебя выслали в Италию к твоей Джил. Уезжай к чертовой матери, если дашь подписку о неразглашении всех полученных тобою сведений! Скажу, что у тебя язва и тебе нужна особая пища.

– Типун тебе на язык, – улыбнулся Дронго, – у меня абсолютно здоровый желудок. Еще накаркаешь!

– Иди ты к черту! – разозлился генерал и разъединился.

Дронго прошел в кабинет и сел за компьютер. Он решил узнать все, что написали об инциденте в театре. И все проанализировать. Если в деле замешан Гейтлер, то случайность в театре может быть не совсем случайной. Похоже, это понимают и в ФСБ. Именно поэтому они так встревожились и пытаются проверить все возможные источники информации.

Россия. Москва

11 января. Вторник

Гейтлер сидел перед компьютером, вчитываясь в очередную статью. Он уже два дня работал за письменным столом. Во вторник появились газеты с подробным описанием неудачного покушения на президента в театре. Иголкин дружно признавался всеми психически невменяемым типом. К тому же выяснилось, как он попал в театр: его брат-электрик достал ему билет на престижный спектакль. Во время первого действия Иголкин сидел в амфитеатре, а в антракте умудрился найти местечко в партере и украсть нож в театральном буфете. Журналисты где-то раскопали, что Иголкин некоторое время состоял членом одной из «патриотических» организаций, но был исключен из нее за недисциплинированность.

Все газеты издевались над несчастным «террористом», решившимся на нападение с почти бутафорским оружием. Обыгрывалась и тема президента – мастера по дзюдо и самбо. Одна газета даже представила примерную схему боя, если бы несчастный сумел добраться до президента, и пришла к выводу, что президент в лучшем случае сломал бы нападавшему руку, а в худшем – вообще мог бы его убить. Журналисты справедливо считали, что для защиты от такого «террориста» главе государства не нужна была его охрана. Более того, оказалось, что Иголкин состоит на учете в психиатрическом диспансере. И в результате почти сенсационная трагическая новость обернулась настоящим фарсом.

Дзевоньский читал все газеты подряд и потихоньку успокаивался. Он понимал, что нападение Иголкина никак не связано с деятельностью Гейтлера. Это была та самая случайность, которая возможна в любом деле.

К вечеру одиннадцатого января Гейтлер вышел к ужину мрачный и сосредоточенный.

– Я почти закончил, – сообщил он генералу Дзевоньскому.

– Надеюсь, – пробормотал тот, – наша кухарка сегодня приготовила отменный ужин, а через два дня обещает порадовать нас праздничной едой. По-моему, даже собирается сделать индейку. Никогда не могу понять этот странный русский обычай – праздновать Новый год два раза. У всех Новый год – это первое января, а у них есть еще и старый Новый год.

– Вы, поляки, хоть и славяне, но католики, – пояснил Гейтлер, – и поэтому не можете понять русских. Ваши противоречия основаны на разделении цивилизации на католическую и православную. В России отмечают Новый год как во всем мире, а потом празднуют православное Рождество и свой старый Новый год. Их церковь так и не признала замену юлианского календаря григорианским.

– Это я знаю, – ответил Дзевоньский, – мне непонятно, как можно после официального Нового года отмечать Рождество и старый Новый год.

– А мне нравится, – улыбнулся Гейтлер, – прекрасная русская традиция! Зимние праздники растягиваются почти на три недели...

– Россия – самая непредсказуемая страна в мире, – проворчал Дзевоньский, – никто и никогда не сможет их понять. Нужно много лет жить в этой стране, чтобы начать понимать их ментальность.

– Это народ великой культуры и литературы, – напомнил Гейтлер, – почитайте Достоевского, Чехова, Толстого, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Горького, Шолохова, Булгакова, и вы многое поймете.

– Неужели вы читали всех этих русских писателей? – изумился Дзевоньский. – Правда, читали?

– И даже на русском языке, – усмехнулся Гейтлер. – Я все время хочу вам сказать, что в вас сидит очень сильная неприязнь к русским – такая традиционная польская неприязнь к своим восточным соседям.

– А вы, немцы, всегда очень любили русских? – зло осведомился Дзевоньский. – Или нас, поляков? И вообще, кого вы любили в вашей истории? Французов? Англичан? Вы умудрились воевать даже с австрийцами.

– Почему вы сразу огрызаетесь? Я говорю вам об устоявшихся привычках, об особенностях вашего менталитета, а вы сразу вспоминаете мне всю историю Германии. Может, тогда заодно вспомните, что крупнейшие философы и почти все музыкальные гении тоже были немцами? В вас крепко сидит этакий ясновельможный местечковый пан. Ну почему не признать, что русские и немцы два великих народа? А вы волею судеб оказались между ними и потому так много страдали в своей истории. Две империи не могли позволить существовать польскому государству. Поэтому вас все время брали в тиски и с востока, и с запада. Поляки тоже великий народ, но их место в Европе оказалось достаточно уязвимым.

– Я читал Чехова и Толстого, – ответил Дзевоньский, – правда, на польском. Должен согласиться с вами, что мы совсем разные народы, хотя и относимся к славянам. Наша религия разделила нас сотни лет назад. И мне часто трудно бывает понять русских. Иногда даже кажется, что немцы нам гораздо ближе по своей ментальности. – Дзевоньский нахмурился и продолжил: – Я все время задаю себе вопрос: как могла Красная армия победить немецкую во время войны? Ведь Германия – это не просто страна. Это новейшие технологии, самая лучшая организация труда, исключительная дисциплина, пунктуальность, порядок. И на фоне разваленного советского хозяйства и безалаберности русских сталкиваются две страны. Два образа жизни. Ведь Германия была страной «Мессершмиттов» и «Хейнкелей», «Тигров» и «Пантер». А сталелитейная промышленность, а наука немцев?! И вдруг они проигрывают войну русским. Самая организованная армия в мире, самая технически оснащенная. Покорившая всю Европу. Разгромившая лучших французских генералов, отбросившая отборные английские войска. В несколько недель разбившая нашу армию; а ведь мы умели сражаться, доказав это и в двадцатом году, и потом в сорок пятом. Но немцы вдруг проиграли русским. Никогда не мог понять почему? Говорят, что во время войны русские самолеты и танки были гораздо лучше немецких. Но как такое возможно? Ведь сейчас даже смешно подумать, что русские автомобили могут быть лучше немецких. Все эти «Волги», «Жигули», «Москвичи»... Что они в сравнении с «Мерседесами», «БМВ», «Ауди», «Фольксвагенами»? Что такое вообще современная российская промышленность против немецкой? Или русская организация труда против немецкой? Их «Аэрофлот» против «Люфтганзы»? Авиационные моторы для воюющей Германии изготавливали на заводах «БМВ». До сих пор название этой фирмы означает высочайшее качество и эффективность. На Германию работала вся европейская промышленность, за исключением промышленности Великобритании. И вдруг немцы проигрывают войну. Они опрокинули нашу страну практически за неполный месяц, а ведь наши солдаты сражались достаточно храбро.

Дзевоньский перевел дыхание, нахмурился и продолжал:

– И такой парадокс в России! Немцы доходят до Сталинграда, захватывают практически всю промышленную часть Советского Союза и останавливаются в нескольких метрах от Волги. Все. Дальше они не прошли. Никогда не мог понять! Русские воевали с винтовками Мосина, изобретенными в девятнадцатом веке, против автоматического оружия немцев. И все-таки победили. Но как? Почему? Вопреки всякой логике!

– Вы действительно не понимаете эту страну, – усмехнулся Гейтлер, – поставьте перед ними самую сложную задачу и будьте уверены: они ее выполнят. Они проявляют свой характер в самые сложные времена. Как было в начале семнадцатого века, когда ваши предки попытались уничтожить их государство. Они тогда сами защитили свою страну, буквально вырвав ее из ваших рук. Как было при Карле Двенадцатом или при Наполеоне. По всей логике событий,

они не могли выиграть войну у шведской армии Карла. Лучший полководец того времени, самая отборная армия, уже не раз бившая русскую армию, союзники-украинцы. И вдруг такое поражение под Полтавой. А разве можно было предположить, что они смогут противостоять великой армии французского императора, возглавляемой таким гением? Лучшая армия, лучший полководец, лучшие условия. Но французы тоже не смогли победить. Каждый из русских полководцев по отдельности не смог бы выстоять против Наполеона, даже Кутузов, которого он побил до этого при Аустерлице. Но, соединившись вместе, поставив перед собой великую цель освобождения собственной страны, они не только выиграли войну, но и прошли через всю Европу, разгромив Наполеона.

Вспомните, как Польша отбросила русских в двадцатом году. Вам тогда казалось, что вы самое мощное государство на востоке Европы. Вы побили даже будущего маршала Тухачевского. Взяли в плен десятки тысяч красноармейцев, которых потом так и не вернули, замучив в своих лагерях. Вам казалось, что вы будете новым западным валом против восточных большевистских орд. А Россия останется разоренной крестьянской страной. Вы знаете, какие потери они понесли во время Гражданской войны? Была практически уничтожена большая часть кадровой армии, погибли миллионы людей, вся страна перешла на натуральный обмен. Что было потом? Они сплотились в Советский Союз, за десять-пятнадцать лет модернизировали страну, а вы остались топтаться на месте. Во время войны они умудрились мобилизовать свою промышленность, организовать выпуск лучших танков, лучших самолетов, реактивных орудий. Они поставили перед собой почти невозможную задачу. Остановить и победить немецкую армию, самую сильную армию в мире на тот момент. И они это сделали. А вспомните про космос. Как могла разоренная войной страна, потерявшая столько людей, имеющая столько сожженных городов и сел, первой выйти в космос? Уже через двенадцать лет после войны они запустили туда свой спутник. А еще через четыре года – первого человека. Глядя на их нынешнее состояние, вы считаете, что так будет всегда? Предатель Горбачев опрокинул собственную страну, сделал из армии посмешище, развалил спецслужбы. Но так не будет долго продолжаться. Они снова поднимутся, как Феникс из пепла. Уже сейчас их олигархи покупают Европу, скупают яхты, дворцы, футбольные клубы и даже нас с вами, дорогой генерал. Это удивительная страна и удивительный народ, Дзевоньский. Один русский поэт сказал: «Умом Россию не понять». Они побеждают вопреки всякой логике и проигрывают вопреки устоявшимся нормам и правилам. Их история непредсказуема, как непредсказуем сам народ. Если хотите, это особая цивилизация, которая развивается по своим собственным законам.

– Я начинаю подозревать, что вы только притворяетесь немцем, – заметил Дзевоньский, – вы так восторженно о них говорите.

– Из-за их непредсказуемости я потерял все, – напомнил Гейтлер, – родину, работу, жену, семью, будущее. И поэтому не говорите мне о моей восторженности. Я действительно слишком хорошо знаю эту страну и ее людей. И испытываю к ним сложные чувства. Давайте начнем работать. Вы уже просмотрели сегодняшнюю прессу?

– Конечно. Я попросил купить все сегодняшние газеты. Нужно будет еще пролистать и еженедельники, которые выйдут к концу недели.

– Согласен. Но в общих чертах уже ясно, что Иголкин – несерьезная фигура. Нашим планам он помешать не может. Вы говорили с Курыловичем?

– Он приедет в тот день, когда мы его позовем.

– Очень неплохо. Значит, нам нужно уже сегодня определиться с фигурой журналиста, который нам понадобится. Я подобрал несколько человек. Нужно будет тщательно все продумать.

– Полагаю, я плохой советчик такому специалисту по России, как вы, – признался Дзевоньский.

– Не нужно говорить так самоуничижительно. В данном случае будет неплохо, если вы выступите как мой оппонент. И тем более учитывая ваш специфический опыт. Мне нужен серьезный оппонент из контрразведки, чтобы выбрать подходящего журналиста.

– Кого вы наметили?

– Пока выбрал шестерых: Синкин и Уткин из «Московского комсомольца», Павзнер, Леонов и Абрамов с телевидения, Бенедиктов с радио. Вот пока эти шестеро. Дальше нужно думать, выбирая, с кем из них мы будем работать более плотно.

– Бенедиктов не подходит, – сразу сказал Дзевоньский, – он знает Курыловича и Холмского, с которыми мы работаем. Через него можно выйти на них. Это достаточно рискованно.

– Тогда убираем Бенедиктова, – сразу согласился Гейтлер, – хотя он был очень подходящей кандидатурой. Достаточно известный журналист, руководитель свободной радиостанции. Известен на Западе. Популярен в Москве. Но его кандидатуру нужно убрать. Вы правы. Нельзя, чтобы среди его знакомых был Курылович. Остаются пятеро. Как вам кандидатура Синкина? Он достаточно популярен, знаковая фигура среди демократических журналистов, газета все время публикует его острые материалы и письма к президенту. Подходит?

– Нет, – ответил Дзевоньский, – я читал его письма. Очень смело и по-своему талантливо. Но что касается президента... Это довольно опасная смесь. Откровенного хамства и плохо скрываемой иронии. Если бы не ваш план, он был бы идеальной кандидатурой для любой другой операции. Однако в данном случае Синкин не годится. Даже если его «раскрутить» по полной программе. Он слишком радикален. И, я думаю, нам он не подходит.

– Приятно слышать мнение профессионала, – польстил своему коллеге Гейтлер, – я тоже об этом подумал. Давайте следующего. Главный редактор газеты Уткин. Подходит?

– Очень неплохо. Насколько я знаю, у него хорошие связи, обширный круг знакомств. Он – владелец газеты, обеспеченный человек. Его кандидатура подходит почти идеально. Но его недолюбливают многие коллеги. Удачливых людей всегда не любят. Журналисты могут не поддержать нашу кампанию. Уткин – барин, а не работяга, такие не вызывают симпатии.

– Откуда вы знаете, что его не любят?

– Если бы даже не знал, то мог бы предположить. Где вы видели, чтобы профессионалы хорошо относились к коллеге, ставшему успешным бизнесменом? Нам могут предложить потребовать выкуп из его собственных средств. Зависть – очень сильное чувство, вызывающее ненависть.

– Вы рассуждаете как контрразведчик. Игра на человеческих слабостях.

– А вы другого мнения?

– Нет. Я с вами согласен. Эта фигура одна из самых подходящих. Но давайте возьмем следующую. Павзнер с телевидения. Ведущий аналитической программы, очень известный журналист, имеет хорошие связи среди зарубежных коллег, особенно в США, где он работал. Если в нашем деле будут задействованы американские журналисты, это только усилит эффект подачи материалов. Как вы считаете?

– Сколько ему лет?

– Сейчас посмотрю. Семьдесят. Он самый старший в этой компании.

– Опасно. В таком возрасте сильные стрессы приводят к серьезным последствиям. Наша операция может затянуться, и тогда нам понадобится врач или реанимационная палата. Кроме того, он еврей, а это нам не очень подходит.

– Опять ваши антисемитские взгляды?

– Я всего лишь констатирую факт. Мне кажется, нам лучше подобрать русского журналиста.

– Он не еврей. У него мама француженка. Но насчет возраста вы правы. Я подумаю. Следующий Леонов, тоже с телевидения. Очень популярный журналист, имеет репутацию настоящего «патриота». Говорят, во время второй чеченской войны его даже приговорили к смерт-

ной казни за одиозные выступления. Отличается крайне радикальными позициями, считается государственнымником.

Дзевоньский покачал головой.

– Его похищение может быть похоже на хорошо разыгранную провокацию, – возразил он, – я бы не стал с ним связываться.

– Вам трудно угодить, генерал, – Гейтлер убрал листок с данными Леонова, – этот слишком патриотичен, другой слишком демократичен. Если будем мыслить подобными категориями, никогда не найдем подходящего. Вот у меня есть еще шестой кандидат. Павел Абрамов. Работает на радио и телевидении с начала девяностых. Имеет устойчивую репутацию демократически ориентированного журналиста. Но без радикализма. В девяносто третьем не поддержал расстрел российского парламента. Он одинаково нравится и центристам, и правым, и левым. Освещал события в Чечне вполне профессионально и без ненужной агрессии. Ему тридцать девять лет, он спортсмен, занимался пятиборьем, был мастером спорта. Женат второй раз. Имеет пятилетнюю дочь. От первого брака детей нет. Подходит?

– Спортсмен – это немного опасно, – пробормотал Дзевоньский, – и он достаточно молод. Может предпринять попытку к побегу, я уже не говорю о том, что его захват будет сопряжен с некоторыми трудностями.

– Bravo, генерал! Вы нашли недостатки у всех шести кандидатур, – кивнул Гейтлер, – если вас беспокоит только его физическая форма, то это не так сложно. Ваши «костоломы» с ним справятся. Тем более что ничего особенного делать не придется. Все продумано в малейших подробностях. Только теперь давайте пройдемся снова и остановимся наконец на двух из них, чтобы прокрутить наших кандидатов более подробно. От нашего правильного выбора зависит успех всей операции.

– Я понимаю. Но вы сами предлагали мне быть вашим оппонентом. Поэтому я и пытаюсь вам возражать.

– Напишите две ваши кандидатуры, – предложил Гейтлер, – а я напишу мои. И мы сравним. Вот бумага. – Он подвинул собеседнику лист бумаги.

Тот взял ручку и задумался. Гейтлер, не размышляя, написал две фамилии. Дзевоньский наконец решился. И тоже написал две фамилии. Они протянули друг другу листки. И оба одновременно усмехнулись. На листках были написаны одинаковые фамилии. И в одинаковом порядке. Первой генералы поставили фамилию Абрамова, второй – Уткина.

– Я был не прав, когда говорил о дисквалификации вашей службы, – признался Гейтлер, – очевидно, даже военное положение не могло изменить профессионализма ваших сотрудников. Такое единодушие меня радует. Можете обосновать свой выбор?

– Конечно. Бенедиктов никак не подходит. Павзнер слишком стар. Кандидатура Леонова не вызовет большого ажиотажа среди левых журналистов, а кандидатура Синкина – среди правых. Остаются двое – Абрамов и Уткин. Но Уткин, как говорят сами русские, барин. Он владелец газеты, богатый человек, сам почти ничего не пишет. Некоторая часть русского общества может отнестись к неприятностям с ним со злорадством. Остается Абрамов. В меру демократичен, в меру патриотичен, молодой, красивый, – Дзевоньский показал на листок с его фотографией, – что тоже немаловажно. Имеет семью, маленькую дочь. Это должно разжалобить женскую аудиторию. Одним словом, идеальная кандидатура.

– Прекрасно, – кивнул Гейтлер, – значит, мы оба остановили свой выбор на Павле Абрамове. Пусть будет он. А запасным вариантом оставим Уткина. В качестве дублера. Как у космонавтов. Только нас за это не станут награждать звездами.

Дзевоньский криво улыбнулся.

– Я предпочитаю наличными, – хрипло произнес он, – это и удобнее, и надежнее.

Россия. Москва

13 января. Четверг

Рано утром позвонил Машков. Открыв глаза, Дронго невольно прислушался к автоответчику. Машков просил взять трубку, извиняясь, что звонит в половине десятого утра. Дронго поднял трубку, хотя в такое время он обычно спал.

– Тебе разрешили уехать, – коротко сообщил Машков, – заедешь ко мне и подпишешь все бумаги. Никому ни одного слова до завершения операции. Как только мы возьмем Гейтлера, ты сможешь вернуться в Москву. Но пока я не дам сигнала, не смей здесь появляться. Ты меня понял?

– Какие сложности! Сколько у меня времени?

– Машина за тобой уже поехала. Мы заказали тебе билет на чартерный рейс в Милан, оттуда ты уж сам доберешься до Рима.

– Только этого не хватало! – разозлился Дронго. – Я не летаю чартерными рейсами и на случайных самолетах. Если не можете перебронировать, закажите мне билет на «Люфтганзу». Полечу в Рим через Франкфурт или Мюнхен. И желательно бизнес-классом. Все равно я сам буду оплачивать все расходы.

– У тебя вечно буржуйские замашки, – пробормотал Машков.

– Какие замашки? Я не очень-то помещаюсь в креслах экономкласса. При моих габаритах.

– У нас рассказывают легенды, что ты дрался с самим Миурой.

– Это было давно и неправда, – усмехнулся Дронго. – Все равно платить я буду сам. Поэтому закажите мне нормальный билет до Рима.

– Сделаем. Еще есть просьбы?

– Есть. Вы напрасно удаляете меня из Москвы. Это ошибка, Виктор. Я могу помочь найти Гейтлера.

– На эту тему мы уже говорили. Теперь его будут искать другие люди. Мы до сих пор не выяснили, кто такой этот неизвестный поляк Дзевоньский, появившийся у Хеккета. Некоторые наши аналитики не исключают вероятности провокации со стороны самого Хеккета. Он мог намеренно увести нас в сторону, чтобы на время сбить возможные подозрения с настоящего организатора. Ты ведь сам ему не доверяешь.

Дронго промолчал. Несколько воодушевленный его молчанием, Машков добавил:

– А ты уезжай в Италию. Там сейчас тепло, хорошо.

– Ты повторяешься. Его никто не сможет найти. Ваши люди его просто не смогут вычислить. Для этого нужен другой психотип – загнанный и одинокий, как он. То есть как я.

– Это ты-то загнанный? – улыбнулся Машков.

– Он все потерял, Виктор: работу, страну, семью. Он ненавидит людей, из-за которых лишился прошлого и будущего. Этот человек очень опасен. Исключительно опасен. К тому же он лучший специалист по террористическим операциям. Чтобы его найти, нужен такой человек, как я.

– С чего меланхолия? У тебя-то все в порядке: семья, работа, страна. Почему ты считаешь, что вы похожи?

– Той моей страны уже нет, Виктор. А семью я не могу привезти в Москву именно из-за моей работы, и ты это знаешь. Работы ты меня лишил. Что остается? Доживать пенсионером за счет Джил в Италии? Незавидная участь.

– Хватит! – разозлился Машков. – Мы все уже обговорили. Ты летишь сегодня, и никаких разговоров на эту тему у нас с тобой больше быть не может.

– Я вас понял, генерал. Счастливо оставаться!

– И не нужно принимать все так близко к сердцу. Слава богу, что они разрешили хоть этот вариант. Будь здоров! А когда все закончится, мы с тобой еще посидим. И кстати, поздравляю тебя со старым Новым годом. Жаль, что мы с тобой его не отметим.

– До свидания. – Дронго раздраженно отключился.

И почти тут же раздался новый звонок. Дронго резко обернулся, схватил трубку и сразу же зло осведомился:

– Снова хочешь мне объяснить, как красиво ты поступил?

– Я хотела пожелать вам счастливого пути, – услышал он знакомый голос Нащекиной. –

Мне сообщили, что вы уезжаете.

– Извините. Я принял вас за другого...

– Догадываюсь даже за кого. Счастливого вам пути!

Она наверняка знала, что его телефон уже прослушивается, но тем не менее позвонила.

Дронго подумал, что был несправедлив и к Машкову, и к ней. В конце концов, они чиновники, а не «вольные стрелки», как он.

– Спасибо за ваш звонок, – поблагодарил Дронго, – я очень тронут.

– Счастливого пути! – повторила она, не добавив больше ни слова.

Через три часа он вылетел во Франкфурт, а затем – в Рим. Вечером этого же дня Дронго был уже в Италии. И никто во всем мире не мог даже предположить, что ему еще придется столкнуться с бывшим генералом «Штази» Гельмутом Гейтлером.

Россия. Москва

14 января. Пятница

Через двадцать минут должна была состояться встреча с одним из министров правительства. Им предстояло рассмотреть сложный вопрос, но президент уже знал, что встречу будут освещать журналисты сразу нескольких телевизионных каналов. Все было продумано до мелочей. Охрана привычно проверяла аппаратуру уже прибывших телевизионщиков, прежде чем пропустить их в апартаменты главы государства, а президент, сидя в кабинете за столом, слегка морщился, размышляя о предстоящей беседе с министром. Она действительно была важной, и его раздражало, что начать ее им придется с этого «телевизионного шоу».

В силу своей прежней профессии он вообще не любил обсуждать важные вопросы на людях, как не терпел и публичных дискуссий, в которых собеседники стараются блеснуть интеллектом. Президент был убежден, что деловые встречи должны проходить без присутствия журналистов, а следовательно, и излишнего популизма принимаемых на них решений. Ведь когда разговор ведется под объективами телекамер, невозможно сосредоточиться и нормально работать. Но он также понимал и необходимость освещения деятельности первого лица страны как составной части его имиджа, пропаганды его президентских функций. Это был один из обязательных атрибутов его власти, проявляющийся в этих телевизионных картинках, очень важных для его должности.

Недавно, когда во время обсуждения сложного финансового вопроса кто-то из министров выдвинул возражения и попытался обосновать их своими фактами, президент не выдержал. Под объективами телекамер он впервые сорвался и громко попросил: «Без комментариев». И еще раз повторил свою просьбу. Это был очевидный срыв, но он не хотел признаваться в этом даже себе самому. Вынесение интеллектуального спора на широкую аудиторию ему не нравилось.

Президент прикрыл глаза. Когда несколько дней назад в театре в их с женой сторону метнулся человек с блеснувшим в руке ножом, он не испугался. Совсем не испугался. Наоборот, инстинктивно шагнул вперед, защищая жену. Там все было ясно. Кто-то пытался прорваться к нему, но он сразу же, еще до того, как злоумышленника схватили офицеры охраны, понял, что абсолютно не боится этого незнакомца. Вот если бы все было так просто и в политике!

Когда несколько лет назад бывший президент предложил ему эту должность, он тоже не испугался. Но засомневался. Из-за огромной ответственности. Потому и отказался. Однако случилось невероятное. Через несколько дней президент повторил свое предложение, и он, уже сознавая всю меру ответственности, согласился.

И затем искренне старался соответствовать своей должности. Он никогда не мечтал о такой вершине, не готовился к ней, не строил честолюбивых планов. Но, оказавшись на этом посту, отнесся к нему со всей ответственностью, с какой привык относиться к любой работе. Он очень старался. Хотя иногда случались срывы. Они были связаны и с его психологией, и с его прежней работой, и с его психотипом, который так явно проявлял себя на первом этапе его работы.

На одной из пресс-конференций, которые его так раздражали, речь зашла о террористических акциях на Кавказе. Он, не сдержавшись, пообещал «мочить террористов в сортире». Журналисты потом долго издевались над этими его словами. Через некоторое время, сразу после очередного террористического акта, когда французский журналист позволил себе нетактичный вопрос, президент снова не сдержался, предложив французу отправиться туда, где ему будет гарантировано «обрезание», проведенное по мусульманским обычаям, чтобы лучше понять проблему. Переводчики не смогли нормально перевести эту фразу. Точнее, даже не

пытались, во избежание большего скандала. Но смысл ее был понятен, и это не осталось незамеченным.

Самая неприятная история была связана с атомной подводной лодкой, затонувшей в самом начале его первого президентского срока. Тогда он еще не был готов к такого рода испытаниям. Отчасти виноваты были военные, слишком много и неубедительно лгавшие по поводу этих событий. Гибель заточенных в лодке людей потрясла весь мир. Кто-то из помощников посоветовал президенту не ездить на место трагедии. Это было ошибкой. Очевидной и непростительной ошибкой. Позже он ее исправил, прибыв туда. Но он был обязан в первые же дни выступить, дать свой комментарий произошедшему. А потом его позвали на Си-эн-эн, где он снова не сумел найти нужный тон, сбиваясь то на ерническую улыбку, то на слишком серьезные ответы. Это был урок. К счастью, он оказался прилежным учеником. Больше подобных ошибок уже не допускал. И ретивых помощников не слушал.

Теперь президент знал, что обязан быть последовательным, жестким и даже жестоким, если того требуют обстоятельства. Теперь он точно знал, что любая заминка, любое отступление власти будет использовано против государства, которое он возглавляет. Теперь он точно знал, что обязан проявлять твердость до конца. Что бы ни случилось.

А случилось много страшного. Сначала произошли террористические акты в Америке, и весь мир содрогнулся от расчетливой жестокости и невероятной изощренности террористов. Затем последовал захват театрального помещения с заложниками в Москве. С самого начала было ясно, что никаких переговоров с преступниками вести нельзя. Как его тогда раздражали непрощенные политики, появлявшиеся на экранах в роли посредников! Спецслужбы получили приказ и разрешение на активные действия. Такой приказ мог отдать только президент. Они взяли штурмом здание театра, уничтожив всех засевших в нем боевиков, которые называли себя «мучениками»-шахидами, официальная пропаганда считала их террористами.

Потом произошел еще более страшный террористический акт – захват школы, в которой оказалось более тысячи заложников, в большинстве своем – детей. Применить газ там было невозможно. Решиться на штурм – невысказано. Все понимали тупиковость этой чудовищной ситуации, при которой необходимо искать варианты достойного ее разрешения. Но развязка началась спонтанно. Вокруг школы оказалось много вооруженных людей, родственников заложников. Цепь случайных событий, непредсказуемые взрывы, гибель спасателей, прибывших на место и принятых за офицеров спецназа... Все это привело к страшной трагедии – погибли дети, много детей.

Президент открыл глаза и нахмурился. Воспоминания об этих событиях всегда отдавались в нем чувством вины. Он понимал и принимал всю долю своей личной ответственности за случившееся. Он все время пытался найти лучшее решение, соответствовать традициям великого государства, руководить которым ему довелось в один из самых драматичных моментов его истории.

В прошлом веке этим государством правили харизматические лидеры. Но время титанов ушло в прошлое. Теперь для руководства страной требовались умелые администраторы.

В истории крупных государств еще не было ни одного случая, чтобы во главе страны встал человек, не имеющий опыта руководства и публичной деятельности. А его путь к власти был особенно короток. Сначала работа в Санкт-Петербурге в качестве заместителя мэра города Кобчака. Он и тогда старался избегать публичной деятельности, оставив политику своему шефу, блиставшему ораторским искусством и манерами светского человека. Затем работа в управлении делами президента. Эти ступени карьеры не могли считаться публичной деятельностью будущего политика или кандидата, претендующего на высшую должность в стране. По существу, он был руководителем спецслужбы лишь чуть больше года, а председателем правительства – всего несколько месяцев. Но он упрямо учился. И так же упрямо старался не допускать ошибок. Став премьером, он вытягивал страну из той глубокой ямы, в которую она

попала. С почти разваленной после дефолта девянсто восьмого экономикой, ослабленная проявлениями местного сепаратизма, показной независимостью многих губернаторов, проводивших самостоятельную политику, отданная на откуп кучке зарвавшихся олигархов, откровенно вмешивающихся во все дела государства, подрываемая террористическими атаками изнутри, страна, казалось, была обречена на распад.

Но он старался изо всех сил. Сказалась и работа его предшественника на посту премьера, который также пришел из спецслужб и сумел удержать государство от экономического коллапса. Правда, этого предшественника грубо и демонстративно убрали из-за того, что он не скрывал своих политических амбиций. Прежний президент не терпел таких людей. Поэтому и остановил свой выбор на человеке, который никак не проявлял честолюбивых замыслов и казался четким, аккуратным исполнителем...

В комнату вошел один из помощников.

– Все готово, – коротко сообщил он, – через пять минут можем начинать.

– Хорошо, – кивнул президент, очнувшись от своих мыслей, – Пахомов здесь?

– Ждет в приемной.

– Пригласите его.

Помощник кивнул и вышел из кабинета. Почти сразу вошел генерал Пахомов.

– Добрый день, – поздоровался президент, поднимаясь из кресла и пожимая руку начальнику охраны. – Что-нибудь известно об этом Иголкине?

– Психопат, – поморщился генерал, – но мы все равно проверяем все его контакты. Похоже, он просто неуравновешенный человек. Придется отправить его на лечение. Он ни с кем не связан.

– Я так и думал. Нужно передать журналистам, чтобы меньше писали об этом несчастном. Незачем уделять ему слишком много внимания.

– Да, – сдержанно согласился Пахомов и вышел из кабинета.

Уже несколько дней его офицеры вместе с сотрудниками ФСБ проверяли всю предыдущую жизнь Иголкина. И ни одного подозрительного факта, указывающего на возможное наличие заговора, не нашли. Однако Пахомова все последние дни одолевало нарастающее чувство беспокойства. Он не понимал, чем оно вызвано. О предстоящем визите президента в театр знали только два человека: сам президент и начальник его личной охраны. Иголкин оказался шизоидным неврастеником, место которого в психиатрической больнице. И тем не менее Пахомов продолжал поиски, словно пытаясь опровергнуть самого себя.

Россия. Москва

16 января. Воскресенье

Утром Гейтлер выехал в город, предупредив Дзевоньского, что вернется лишь на следующий день.

– Хорошо, – согласился тот, тяжело вздохнув, – я вам верю, но каждый раз, когда вы уезжаете, я теряю столько нервных клеток, что мне гораздо легче поехать вместе с вами.

– До сих пор считаете, что я сбегу? – понял Гейтлер. – Я уже вам говорил, генерал, что вы имеете дело с профессионалом. У меня есть свое понятие офицерской чести. И мне совсем не хочется, чтобы ваши молодчики появились у моих внуков. Это тоже сдерживающий фактор. Можно было бы об этом не говорить, но я все время помню ваши угрозы.

– Можете их забыть, – великодушно предложил Дзевоньский, – это были глупые угрозы.

– Но я помню, – возразил Гейтлер, – постоянно помню. До свидания, пан Юндзилл. Завтра днем я вернусь сюда. Как там с Абрамовым? Ваши люди за ним следят?

– Конечно. Проверяем все его связи, всех знакомых. Установили нашу аппаратуру у него в квартире, прослушиваем все домашние беседы, все телефонные разговоры. Информации уже достаточно. Мы можем взять его в любую минуту, когда вы решите, что настал такой момент.

– Рано, – отозвался Гейтлер. – Мы ведем наблюдение всего несколько дней. Этого мало. Нужно не меньше двух недель. К концу января мы будем готовы. Куда думаете его привезти?

– Сюда, – ответил Дзевоньский, – у нас есть винный склад в подвале. Мы уже начали его осторожно освобождать. Там метров сорок, вполне достаточно. Посадим его на цепь. Или наденем наручники.

– Это опасно, – предупредил Гейтлер, – не забывайте, что его будут искать.

– Именно поэтому. О его появлении здесь будут знать только два человека. Вы и Карл Гельван. Больше никто. Я буду чувствовать себя намного увереннее, если этот журналист будет сидеть в нашем подвале.

– А если его обнаружит наша кухарка? Или кто-нибудь из охранников?

– Не думаю. Мы постараемся все предусмотреть. Они в подвал никогда не спускаются. Повесим там замок, а ключ будет только у меня. Я даже думаю установить в подвале небольшую видеокамеру, чтобы за ним следить.

– А если он начнет кричать?

– Его не будет слышно, я проверял. Кроме того, можно поставить легкую музыку у дверей. Например, включить какой-нибудь магнитофон.

– Это вызовет подозрение... Вы же не можете все время держать там магнитофон.

– Тогда избавимся от кухарки. Перейдем на заказы из ресторанов. Наверное, так будет правильно. Мы с вами как-нибудь проживем. Всегда можно заказать еду в ресторане. Сейчас это не проблема. А кухарке объявим, что она нам пока не нужна. Я продумаю детали, можете не волноваться.

– Хорошо, – сдержанно согласился Гейтлер, – но у нас в разведке не принято все яйца класть в одну корзину. Российские спецслужбы могут вычислить нас и выйти на него. Или наоборот, выйти на него и вычислить нас. С точки зрения профессионала это ошибочный ход.

– Именно поэтому я его и делаю, – усмехнулся Дзевоньский. – Ни один офицер спецслужбы не заподозрит, что в доме, где скрываются два бывших генерала спецслужб, может находиться еще и заложник. Это нелогично, неправильно и непрофессионально. Пусть так все и думают. Иногда нужно поступать не совсем логично, чтобы сбить с толку другую сторону. А мне будет спокойнее.

– Делайте, как считаете нужным, – согласился Гейтлер, – и достаньте мне бланки двух местных паспортов. Можно даже заполненные. Два или три местных паспорта.

– Зачем? – нахмурился Дзевоньский.

– Это мое дело, пан Юндзилл. Вы же не думаете, что я могу сбежать с паспортами, номера которых вам заранее известны. Желательно, чтобы эти паспорта были чистыми. Они мне нужны.

– Постараюсь найти. Что-нибудь еще?

– Если вы посадите его в подвал, то как быть с его туалетом? И учтите: он будет у нас не один день и не одну неделю. Вы собираетесь лично выносить за ним его ночной горшок?

– Для этого есть Гельван, – улыбнулся Дзевоньский, – но я продумал и этот вопрос. Уже заказал биотуалет. Не забывайте, что наша «фирма» занимается ландшафтным дизайном, составной частью которого могут считаться и подобные «объекты».

– Вы заказали один?

– Конечно, нет. Десять. Мы действительно можем предложить их возможным клиентам фирмы. И разместить один у себя в подвале. Что-нибудь еще?

– Нет, ничего. Похоже, вы действительно не теряли времени зря. Прекрасная работа. Завтра днем я вернусь. Пусть обратят внимание, куда он ездит по воскресеньям. У Абрамовых, кажется, есть небольшая дача. Нужно побывать там и все выяснить на месте. Можно ли там оставаться зимой? Нам будет важно выиграть время...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.